

Студенты – самые свободные актеры и зрители

Культура. – 1998. – 16–22 июля. – С. 12

Один из старейших театров Москвы – Студенческий театр МГУ – отметил сорокалетие с момента постановки Роланом Быковым пьесы “Такая любовь” – с него и началась современная история Студенческого театра. С главным режиссером Евгением Славутиным мы беседуем о прошлом и настоящем этого уникального коллектива.

– Евгений Иосифович, все быстро режиссеры довольно быстро уходили на другие сцены, вы же возглавляете Студенческий уже 15 лет. Чем это объясняется?

– Многие испытывали жесткое идеологическое давление. Иные же рассматривали студенческую сцену как стартовую площадку. А я пришел сюда как в свой театр, в котором мог бы решить важные для меня художественные задачи.

Я мечтал вернуть современному театру смысл и звучание, которые были свойственны ему в добуржуазную эпоху. Я имею в виду “открытый театр”, то есть площадной и публичный. Театр, в котором при всей серьезности нравственных и эстетических задач присутствует демократичный дух импровизационной свободы, оптимистического мироощущения, связанных с молодостью, надеждами и верой в будущее. И именно студенческая среда является идеальной для решения этой задачи. Это та аудитория, для которой открытость и открытость – естественное состояние души.

– Вам это удалось?

– Думаю, да. Наш театр один из немногих в Москве (а может быть, и единственный), в котором актеры и зрители объединены общим духовным пространством.

– В свое время здесь ставили шумные политические спектакли: “Черный человек, или Я бедный Сосо Джугашвили”, “Вальпургиева ночь, или Шаги командора”, – однако сейчас в репертуаре – только спектакли о любви: “Уроки любви”, “Непобедимая армада”, “Стрелы Амура”. Отчего такая смена курса?

– Мы сменили тему разговора. В наше время, чрезвычайно политизированное и агрессивное, говорить со сцены о любви – значит бросить вызов всему тому, что происходит вокруг.

– В каком состоянии вы застали Студенческий театр, когда пришли в него главным режиссером?

– Это был период самого большого упадка. После блестящих работ Р.Быкова, С.Юткевича и М.Захарова, после “Уроков музыки” Р.Виктюка – всех этих прекрасных спектаклей, регулярно закрываемых парткомом МГУ, театр нахо-

дился в страшном развале: не было лидера, не было труппы, не было программы – я пришел в умирающий организм. Передо мной стояла задача – вернуть ему успех, живое политическое и поэтическое звучание.

Постепенно к нам пришло новое литературное поколение – Т.Толстая, Н.Садур, В.Коркия, В.Ерофеев... Состоялись первые публичные чтения молодых поэтов: И.Иртенева, В.Степанцова, В.Видицкого, А.Туркина, А.Кортнева и многих, многих других. Думаю, такому созвездию имен может позавидовать любой театр.

– Есть ли у вас спонсоры?

– Нашим спонсором является наш зритель, который, битком набивая зал, дает нам возможность выживать.

– Как же получилось, что старейшему и популярному театру приходится выживать?

– Так же, как в России складывается судьба любого художника-бомжа. Многие влачат самое жалкое существование и при этом ежедневно находят в себе силы заниматься творчеством.

– Вы сказали “художника-бомжа”. А ведь вашему театру выделено помещение на Большой Никитской, рядом с бывшим ДК гуманитарных факультетов?

– Помещение-то выделено. Но оно находится в таком состоянии, что мы можем его использовать

только для репетиций, зрителей и него приглашать басчеловечно. Это помещение требует фундаментальной реконструкции, а театр не имеет таких средств. У нас сегодня нет постоянной сценической площадки.

– Как же у вас не опускаются руки?

– Я умею мечтать и верить. Меня окружают такие же люди. Все время появляются новые одержимые, из них мы набираем учебную студию, и самые талантливые после обучения попадают в труппу театра. Это и является смыслом нашей работы.

– Ваши ближайшие планы?

– Поставить фарс “Проделки Скапена” Мольера и спектакль по маленьким трагедиям Пушкина. Мне кажется, что вскрыть этот материал ключом психологического театра невозможно. Тут нужна поэтика народного, открытого, площадного зрелища. При этом действие совсем необязательно выносить за пределы традиционной сценической коробки. Речь идет о внутренних механизмах спектакля.

– Последний вопрос: вы – диктатор в театре?

– Об этом лучше спросить тех, кто со мной работает.

Беседу вел
Лев РЕЗНИКОВ